г. Пермь 39

Комсомольский проспект, Дом 49
кв. 2

Профессору Максимовичу
Георгию Алексеевичу

К.В. Кострюк, Уфа 40, ул. Калинина, д. 22, кв. 34

www.maksimovich.info

Многоуважаемый

Георгий Алексеевич!

Посылаю Вам вырезки из Уфимской газеты, которые, вероятно будут для Вас интересны!

Поздравляю Вас с наступающим Великим Праздником с 50-летием Советской

www.maksimovich.info

Власе!

Желаю Вам здоровья и
больших творческих успехов
в Ваших трудах!

С приветом!

Ваш Виктор.

www.maksimovich.info

Ленинец 19/IX-67
№ 112

К НЕДРАМ КУТУК-СУМГАНА

Записки спелеолога

М. Иванов

Осенью прошлого года в «Ленинце» печатались записки М. Иванова под названием «Идем в бездну». В них рассказывалось о штурме пропасти Кутук-Сумган—крупнейшей карстовой пропасти Урала. Она находится в Мелеузовском районе недалеко от хутора Сакаска.

В этом году экспедиция Башгосуниверситета под руководством старших преподавателей кафедры физгеографии Е. Д. Богдановича и И. К. Кудряшова продолжила исследования пропасти. Предлагаемые записки являются своеобразным продолжением ранее опубликованных.

КАК НАЧИНАЮТСЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Результаты спелеологической экспедиции 1966 года были значительны, и сразу же после нашего возвращения началась обработка материалов. Она оказалась очень трудоемкой и затянулась до самых последних дней февраля.

Под руководством Е. Д. Богдановича и И. К. Кудряшова студентами, участниками экспедиции были написаны курсовые работы: В. Камаловым — «Топография пропасти Кутук-Сумган», А. Жаркевичем — «Геоморфологическое описание пропасти», Э. Нигматуллиным —«Поверхностные формы карста Кутукского урочища», Б. Викторовым —«Геоморфологическое описание Четвертой Кутукской пещеры». Е. Д. Богдановичем было сделано сообщение о пещерах Кутукского урочища с демонстрацией фильма, снятого в экспедициях, на заседании Башкирского филиала географического общества СССР. В. Камаловым— на научной студенческой конференции во Львове. О результатах экспедиции говорилось на всесоюзном совещании спелеологов в г. Симферополе.

Работа экспедиции была отмечена Башкирским геологоуправлением, двое награждены значком Министерства геологии РСФСР «Отличник разведки недр», группа спелеологов городской секции—почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

Для многих из нас эта экспедиция, как это ни грустно, представлялась последней. Камалов, Безроднов, Нигматуллин, Жаркевич, Викторов в следующий сезон должны были уехать на практику в другие области. Я вообще должен был уехать из Башкирии, да и оставшись, я уже не хотел идти в пропасть без этих ребят. И мы с Анатолием Гориным решили: если сможем летом выкроить время, — уйдем на Приполярный Урал на Народную.

А Евгений Данилович и Иван Константинович готовили новую экспедицию: искали снаряжение, подбирали людей. Добровольцев оказалось мало. Мы смотрели на «молодежь», и на душе было как-то невесело.

А потом ко мне пришел Камалов.

— Знаешь, может быть, моя экспедиция подождет. Может быть, мы еще раз...

— Я как раз собирался прийти к тебе с этим же.

Вдвоем мы пошли к Эдику. Уже потому, с каким видом мы расселись на диване, он понял все и согласно кивнул головой.

На следующий день я написал письмо Толе Горину, что Народной придется подождать нас еще год.

Замыслы новой экспедиции были интересны. По опыту 1966 года она планировалась объединенной: группа Башгосуниверситета и группа городской секции спелеологов при областном совете по туризму должны были работать по общему плану. Составили смету, распределили обязанности.

Программа была обширной: геоморфологическое описание среднего горизонта, топографическая съемка и описание пройденных, но не снятых в прошлом году галерей нижнего горизонта, прохождение новых ходов, барометрические наблюдения, анализ пещерных отложений и подземных вод, а главное — плавание по подземной реке, от которого зависела перспектива дальнейшего исследования пропасти.

И вдруг как гром с ясного неба: правление областной секции спелеологов запретило экспедицию городской секции. Неспособными к работе в пропасти объявлялись люди, которые первыми спустились в нее и в течение двух лет были ее первыми исследователями. Это значило, что экспедиция университета остается без снаряжения.

Решение, видимо, было продиктовано трагедией в марте 1966 года: в пропасти погибли спелеологи МГУ. Разумеется, из трагедии нужно было сделать необходимые выводы, чтобы предотвратить несчастные случаи в будущем. Но таким ли образом? Метаться из крайности в крайность—далеко не лучший выход из положения. Если кто-то погиб в пещерах—это еще не значит, что нужно вообще запретить исследования.

По всей очевидности, нужно было раньше подумать о том, будет ли готова экспедиция к выполнению поставленных перед ней задач. Времени для этого было более чем достаточно. И если группа городской секции в самом деле оказалась бы неподготовленной, об этом необходимо было вовремя предупредить экспедицию университета, чтобы та успела пересмотреть график работ, маршрут и найти недостающее снаряжение.

Спелеологи университета считают, что отношения между научными и спортивными организациями, работающими в одной области, должны строиться на основе заинтересованного сотрудничества, что взгляд на спелеологию только как на спорт—ошибочен.

В своих записках об экспедиции прошлого года я не касался трудностей ее подготовки. После успешного завершения работы это было как-то неуместно. Теперь я вижу, что об этом не мешает вспомнить, чтобы у читателей не сложилось впечатление, будто в прошлом году все было легко и просто, в этом—наоборот. Трудности были и в прошлом году. Часто нам приходилось преодолевать стену непонимания или равнодушия, зато потом никто не забывал при случае пощеголять успехами экспедиции. К счастью, были люди, которые искренне шли нам навстречу. Большую помощь в прошлом году нам оказали: бывший директор уфимского клуба туристов Л. В. Лушников и председатель областного совета по туризму Е. К. Шишкин.

Но вернемся к нынешней экспедиции.

Итак, казалось, что все развалилось. Снаряжения не хватало. Не хватало людей. Камалов, Нигматуллин, Безроднов вынуждены были на все лето уехать с геологами. Но отменять экспедицию было уже нельзя: слишком много надежд мы с ней связывали. Был объявлен аврал. Срочно доставалось снаряжение, оборудование. В этом неоценимую помощь оказал студент-заочник географического факультета альпинист Барышников. Благодаря ему приобрели необходимое количество капроновых веревок, скальных крючьев, альпинистских карабинов, поясов Абалакова и другого снаряжения.

Состав экспедиции почти полностью обновился. Из «ветеранов пропасти» были только Е. Д. Богданович, И. К. Кудряшов, Анатолий Горин и Боря Викторов. Кроме них в группу вошли Коля Кудряшов, Владимир Федоров, Владимир Книсс, Рая Каримова, Римма Гильманшина, Люда Пазухина и Люда Цыпляева. Врачом экспедиции с удовольствием согласился быть ассистент Башкирского медицинского института кандидат медицинских наук Виктор Михайлович Соколов.

К первому августа экспедиция была готова к работе. Но, увы! Злоключениям ее еще не суждено было кончиться. Хозяйственная часть университета тянула с предоставлением машины. Каждый день начинался успокаивающим обещанием: «Завтра!» Но приходило завтра, и все повторялось сначала. Шесть дней летело бесполезно драгоценное время, срывался график работ, за неделю все вымотались от пустой толчеи в коридорах университета. Экспедиция грозила выдохнуться из-за мелочей, еще не приступив к главному.

Лишь шестого августа, наконец, тронулись в дорогу.

www.maksimovich.info

«Ленинец» 21/IX-67

В НЕДРАМ КУТУК-СУМГАНА

Записки спелеолога

М. Камалов

Незадолго до выезда в Кутук-Сумган меня свалил приступ аппендицита, и я, к великой досаде, оказался на операционном столе.

— Ничего, — успокаивал меня Евгений Данилович.—Отдохнете этим летом. Поедете на следующий год.

Но от этого утешения не было легче.

Из больницы выписался лишь в конце июля, об экспедиции нечего было и думать, об этом мне твердили и врачи и друзья, и чтобы ничто не напоминало о ней, я поскорее уехал из Уфы.

Пытался читать, пробовал ловить рыбу... Ничего не получалось. Потому что у меня было отобрано самое главное. И я снова вернулся в Уфу. Но и здесь я не нашел покоя. Родной город вдруг стал для меня каким-то чужим и неуютным. Он был близким и имел для меня смысл только до тех пор, пока был городом, откуда я уходил в дальние дороги и куда возвращался. Только таким я его и любил, вдали грустил по его улицам, по людям, которые в нем остались. Теперь мне некуда было уезжать...

Как-то утром случайно встретил на улице Эдика Нигматуллина, на другой день приехал Камалов. Они не выдержали и досрочно вырвались из геологической экспедиции в Челябинской области, чтобы хоть ненадолго попасть в Кутук-Сумган.

Я не мог спокойно смотреть на их сборы, и в конце концов тоже собрался в дорогу.

Сорокапятикилометровый переход от Нугуша до Кутукского урочища на двадцатый день после операции дался мне легко, только на очень крутых спусках приходилось довольно трудно. Груз мой несли ребята.

Был ясный августовский день. Мы шли мимо редких полян, на которых грелись стога свеженакошенного сена, мимо родников в глубоких карстовых воронках. В густом от зноя небе стонали кобчики. От косарей, охотников, по следам на дороге, по кострам мы узнавали нелегкий путь нашей экспедиции. Оказалось, что мы почти догнали своих. Они были чуть впереди и не догадывались о нас, мы же знали о каждом их шаге...

Примерно на половине пути от деревни Сергушкино до Кутука хорошая дорога кончилась. Перед первой же серьезной лужей шофер остановился и наотрез отказался ехать дальше.

— Ну что, ребята, поедем обратно в Уфу или будем пробираться дальше—к пропасти? — спросил Евгений Данилович.

— Учтите: впереди двадцать с лишним километров не очень хорошей дороги и две тонны груза:

— Будем добираться!

Пообедав, нагрузились, сколько могли, и потянулись друг за другом в гору, оставив караулить остальной груз Виктора Михайловича и Юру, его двенадцатилетнего сына. Вспомнили добрым словом шофера экспедиции 1966 года Геннадия Ефимова, который почти в этих же условиях по этой же дороге благополучно провел машину до самой пропасти.

Дорога, конечно, не легкая. Ухабы на ней местами превратились в глубокие котлованы, заполненные зеленой жижей. Но проехать все же можно. Можно эти котлованы загатить лесом или отвести в сторону воду, можно прорубить новую просеку. За несколько лет таежных путешествий у нас накопился опыт по этой части, но что делать... Шофер наш предпочитал ездить по асфальту.

Дорога вилась густым лиственным лесом, местами она раздваивалась, потом делилась на несколько рукавов, все веером расходились по ним и метров через двести сходились снова. Из кустов с оглушительным шумом поднимались глухари и тяжело летели в глубь леса. На соснах вертелись любопытные белки.

Иван Константинович ушел в обратную сторону—в Нугуш: искать машину или лошадь.

Виктор Михайлович с Юрой поставили палатку,—кто знает, сколько здесь придется жить. К вечеру им удалось отправить до поляны Сумбай с попутной лошадью два ящика тушенки. Потом с несколькими ящиками до этой поляны на попутном грузовике доехал Юра. Это было большой удачей, теперь уже половина груза «стронулась» с места.

Вместо Юры к Виктору Михайловичу пришел Коля Кудряшов. Поздно ночью ни с чем вернулся Иван Констатчинович. Ночевали без воды, без хлеба, без соли. Как раз ящики с продуктами уехали вперед. Рано утром Иван Константинович ушел вперед—на Ташельган. Может быть, там повезет с лошадью.

Вторая ночь была еще мучительней. Обошли все окружающие овраги и балки, но везде было сухо. Вода в дождевых лужах кишела паразитами и отвратительно пахла. Появившаяся в первый день надежда — подвезти груз на попутных лошадях и машинах — погасла.

Ждать больше было бессмысленно, и десятого утром Виктор Михайлович с Колей увязали оставшийся груз в пять больших нош, к ящикам привязали палки и стали поочередно перетаскивать все это вперед. Двести метров, еще двести метров, потом еще. К полудню уже сбились со счета, но прошли очень мало.

Ночевали под большой березой, воду пришлось опять брать из дождевых луж. Даже кипяченую пить ее было очень трудно. А утром снова таскали тяжеленные тюки и ящики. К вечеру услышали стук копыт и голос Ивана Константиновича. Радости не было конца, поскорее все погрузили и к двум часам добрались до поляны Ташельган. В овраге струился леденящий родник, и трудно было от него оторваться. Вскоре подошли от пропасти ребята, снова нагрузились и торопливо ушли к перевалу — до наступления темноты надеялись дойти до палаток. Виктор Михайлович с Колей опять остались ночевать у груза, но теперь была вода и был хлеб.

Утром часов в десять на поляну Ташельган пришли мы. Знакомый по прошлому году пастух сказал:

— Ваши только что ушли на Яман-Тау. (Чтобы не вводить читателя в заблуждение, сразу скажу: речь идет не о горе Яман-Тау, высшей точке Южного Урала, такое же название имеет небольшой горный хребет в Мелеузовском районе). Взяли у нас лошадь. С ними пошел мой товарищ.

Пастухам, пасечникам, охотникам интересы экспедиции оказались понятнее и ближе, чем организациям, которые должны были непосредственно заботиться о ней. В лесу нас везде понимали и, как могли, старались помочь. Местные жители, приехавшие в Кутукскую долину косить сено, помогали нам хлебом, подвозили воду, помогали поднимать из пропасти груз. И все это совершенно бескорыстно, от чистого сердца.

12 августа в полдень мы (догонявшие) подходили к пропасти. Спустившись к Кутукскую долину, невольно ускорили шаг. Осторожно подобрались к обрыву. Так и есть: чуть успели добраться—сразу же приступили к работе. У края пропасти с веревкой стояли Володя Федоров и Виктор Михайлович. Внизу гремели камни. Это очищал уступы Анатолий Горин. Камни свистели, как маленькие бомбы. Некоторые из камней задевали о стены, от удара разлетались на мелкие свистящие осколки, даже немного пахло гарью.

Боря Викторов разбирал лестницы.

Наш приход был для них совершенной неожиданностью, по их лицам мы видели, что они были рады нам. Подошел Евгений Данилович.

— А мы думали, что вы уже давно в пропасти,—говорю я.

— Что делать! Потеряно столько времени. Только сегодня довезли последний груз. Сразу же приступили к работе. Даже успели открыть новую пещеру—пока назвали Пятой Кутукской (а вообще она четырнадцатая в Кутукском урочище). Девочки уже тянут к ней буссольный ход.

Мы помогли навесить лестницу в первый 70-метровый колодец, и все вместе пошли в базовый лагерь.

Я немного волновался. Я верил и не верил, мне все еще казалось сном, что я еще раз смогу попасть на Сакаску, увидеть ее скалы и клубящийся туман под шумным перекатом, поговорить за чаем с моим старым знакомым пасечником Латыповым.

На Сакаске всех ждал сюрприз. Только сели обедать, как на полянку из леса вышли двое. В одном из них мы без труда узнали Леонида Васильевича Усольцева, участника экспедиции 1966 года. Он сумел вырваться из своего института всего на несколько дней и сразу же отправился сюда, сманив с собой геолога Юрия Самуиловича Виницкого. Я всегда говорил: кто однажды побывал на Сакаске, тот вернется сюда еще раз. Мои слова сбывались.

[Продолжение. Начало в № 112].

www.maksimovich.info

К НЕДРАМ КУТУК-СУМГАНА

СЕМЬ СУТОК ПОД ЗЕМЛЕЙ

Наш базовый лагерь, как и прежде, в казенках на Белой. Но в них почему-то нет прежнего уюта. Видимо потому, что нет Петраша, на котором держался порядок. Около пропасти в глубокой провальной воронке большая шатровая палатка — лагерь связи. Через каждые двое суток в нем меняются дежурные — «слушают пропасть». Время связи с 8 до 9 утра и с 8 до 9 вечера. Рассчитать время под землей очень трудно, поэтому сроки выхода на связь колеблются в пределах часа. Кострови́ще у лагеря тщательно выложили плитами известняка. В прошлом году от нашего костра загорелся торф, и несколько дней мы не могли его потушить. Это надо помнить всем, кому придется разбивать лагерь около пропасти Кутук-Сумган.

15 августа под землю ушли 9 человек.

В стволе пропасти за год произошли некоторые изменения. В этом году на уступах было очень много льда. Его пытались срубить, но безуспешно. Обработали только самые опасные места, а на некоторые стены с отрицательным углом попасть было просто невозможно и время от времени глыбы льда падали вниз. Нужно было быть предельно осторожными.

Когда все спустились на дно первого колодца и уже разбирали в укрытии под уступом скалы оборудование подземного лагеря, где-то вверху оборвалась огромная глыба и со страшным шумом грохнулась рядом. Невольно дрогнули руки, распутывавшие узлы. Пропасть встречала неприветливо.

Немного в стороне на площадке — небольшой тур и венок полевых цветов, возложенный свердловскими спелеологами. Они работали в других пещерах Башкирии, но пришли сюда, чтобы почтить память погибших здесь товарищей. Рядом легли наши венки: «Е. Алексеевой и В. Алексинскому от спелеологов БГУ». Никто не думал, что наша пропасть уже через пару лет после открытия станет чьей-то могилой.

Подземный лагерь был установлен в Актовом зале — три брезентовые палатки. Их взяли только потому, что не было других. В прошлом году, борясь за водонепроницаемость мы брали перкалевые.

Описание пещеры после этого пришлось вести одному Боре, и разумеется, что один он не смог выполнить всей намеченной программы. Удалось лишь окончить описание снятых на план галерей среднего горизонта, нижний же полностью остался не описанным.

Все глубже в землю ввинчивается ход, фонари выхватывают из мрака рваные выступы камня, фантастические занавесы кальцита, все жиже глина под ногами, все гуще гул невидимой реки. Охватывает волнение, стремительное, пружинящее, сжимающее душу в упругий комок решимости и страха. Вскоре от гула уже невозможно говорить, последний поворот—гул вдруг переходит в напряженный рев, и луч фонаря то растерянно мечется в пустоте под высокими сводами, то лижет черную гладь необычно спокойной воды. Мертвенящая неподвижность воды угнетает. Пробираясь по грязным галереям к реке, представляешь ее ревущей, пенящейся в порогах и перекатах. И останавливаешься вдруг пораженный: река неподвижна и непонятно откуда и почему этот грозный рев. Может быть, это гудит сама земля?

Гудящее напряжение камня передается телу, и потрясенные мрачной тревожной красотой, мы молча стоим на берегу подземного потока. Его путь трудно проследить: фонари выхватывают лишь куски блестящей черной поверхности, все остальное спрятано в гудящем таинственном мраке.

Резиновая лодка, уплывает вверх по течению. Мы уже знаем что за поворотом примерно через 50 метров верхний сифон, на него наткнулась зимой группа А. Попова. Но нам нужно узнать глубину и ширину сифона.

Потом мы уплываем вниз по реке, таща за собой веревку. Лодки уходят за поворот, каждый взмах весел все дальше уносит их в неизвестность. Навстречу плывут черные причудливые колонны, и надо бояться острых выступов скал.

Ширина реки от 4 до 6 метров. Неровные стены сливаются где-то далеко в высоте в невидимый потолок. Стены совершенно вертикальны, и если лодка порвется и станет тонуть, даже не за что зацепиться. А глубина реки до 6

www.maksimovich.info

зентовые под землей оказались более практичными.

На следующий день четверо спустились по 36-метровому колодцу на нижний горизонт. Спуск оказался очень неудобным: лестница плотно прилегала к стене и было трудно пропустить руку между ступеньками и скалой.

Снова загремели обвалы льда. На этот раз небольшие. Но на нервы все равно действуют.

Нижний горизонт поражает массой ходов. По одной из галерей с наклоном от 5 до 20 градусов длинным белым языком движется ледник. Приходится работать ледорубом. А всего в каких-то 150 метрах отсюда на поверхности 25-градусная жара. На леднике четыре больших сталагмита. При освещении свечами и магниевой вспышкой они создают неповторимое зрелище.

Хорошо, что приехали Камалов и Нигматуллин. В прошлом году они как раз вели съемку нижнего горизонта, и без них было бы трудно разобраться в переплетении галерей и выяснить, которые из них уже сняты, а которые еще нет.

Иван Константинович с Борей Викторовым в это время описывали галереи среднего горизонта, снятые на план в прошлом году. На одном из скользских подъемов Иван Константинович о с т у п и л с я, упал и подвернул себе ногу. Работать больше он не мог, и ему пришлось подняться на поверхность. Подъем из 70-метрового колодца на одной ноге и на одной руке был невероятно труден. Вторую руку Иван Константинович потерял в боях за Будапешт. Предложили поднять его без лестницы— через блок, но он не решился на это и стал подниматься сам. Подъем продолжался почти час, час предельного напряжения мышц и воли. Последние метры он уже еле перехватывал рукой ступеньки лестницы и сразу же попал в руки Виктора Михайловича. Прежде всего он осмотрел ногу: сильное растяжение связок и сухожилий, необходим полный покой. Ивана Константиновича оставили ночевать в лагере связи у пропасти. Только на третий день он смог спуститься в базовый лагерь на Белой.

(Продолжение. Начало в №№ 112, 113).

метров. Но у нас две лодки, а на каждой по два спасательных круга, так что это не так уж страшно.

На перекатах же — мелко, лодки приходится перетаскивать волоком. Подземные перекаты похожи на земные: вода перебирается через каменную россыпь. Но этот тишайший шорох струй, трущихся о неровную поверхность камня, подземелье многократно отражает, усиливает и сгущает до устрашающего рева. И становится немного не по себе.

Проплыть вниз по течению удалось около 200 метров. И тут нас остановил сифон. Пропасть не собиралась так просто отдавать нам свои тайны. Сифон можно пройти только в аквалангах, но у нас пока нет ни аквалангов, ни опыта подводного плавания. Это дело будущего. К тому же маловероятно, что за нижним сифоном будут большие не обводненные полости, уже здесь пропасть почти достигала уровня Белой. Больше перспектив в этом отношении в верхнем сифоне.

Перед нижним сифоном огромный зал, состоящий из путаницы обводненных галерей, и среди причудливых каменных колонн не трудно заблудиться. Н е п о в т о р и м а я мрачная красота! Игра света на взволнованной веслами воде и пересекающиеся лучи фонарей под высокими сводами!

Небольшой остров, черный хрустящий песок под ногами. Странное чувство отдаленности от всего земного и непрочности этого островка. Когда песок возьмешь в горсть и осветишь— оказывается, что он совершенно белый.

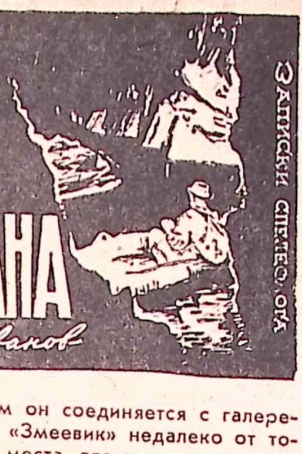
Эдик Нигматуллин неутомимо рыщет на лодке в надежде, что где-нибудь в стене все равно есть отверстие, пусть небольшая щель, по которой можно проплыть дальше. А где-то в потолке чернеют дыры. Возможно, что через них можно попасть за сифон. Но как добраться до этих отверстий? На стене с отрицательным углом в совершенной темноте над водой нужно забивать крюк за крюком. Понадобятся альпинистские беседки и много другого специального снаряжения, которого у нас нет.

Ленинец

23 СЕНТЯБРЯ 1967 г. 3 СТР.

www.maksimovich.info

К НЕДРАМ КУТУК-СУМГАНА

Записки спелеолога

М. Ивков

В прошлом году многие галереи нижнего горизонта из-за недостатка времени остались неснятыми. По ним сейчас потянулись колышки буссольного хода. Топографическая съемка под землей — очень трудоемкое и кропотливое дело. Если на поверхности работа геодезиста в горах считается достаточно трудной, то под землей трудности возрастают во много раз. Съемку пещер мы обычно ведем горной маркшейдерской буссолью. С ней за день удается пройти 150—200 метров. Если на поверхности расстояние между точками может быть сотню и больше метров, то в пещерах в редких случаях оно бывает больше 30, а обычно — 3—5 м. Мерная лента постоянно застревает в щелях и покрыта толстым слоем грязи. Пол пещер редко бывает горизонтальным, обычно это крутые спуски, подъемы, нагромождение каменных глыб и жидкая глина. А иногда пола вообще нет — он вдруг проваливается в глубокий колодец. Тогда одна точка становится ниже второй на несколько десятков метров, а прежде чем ее поставить, нужно притащить из лагеря и навесить лестницу, спуститься по ней, очищая карнизы от висячих камней, и только на это часто уходит целый день.

За топографической съемкой ведется геоморфологическое описание. На среднем горизонте им занимается Боря Викторов. Его день начинается с 10-метрового спуска по веревке в так называемую «Библиотеку», потом наклонный ледник. По нему соблазнительно прокатиться, но нельзя: неосторожное движение — и ты летишь в 36-метровый колодец в нижний горизонт. Только после спуска по леднику начинается собственно описание. В нем нужно указать, какие породы слагают пещеру, мощность пластов, их залегание, угол простирания, трещиноватость, наличие фауны, натечные образования, их распространенность, форма, цвет, объем, пещерные заполнители, отдельные каменные глыбы, их расстояние от стен и т. д. и т. п. И так изо дня в день. В конце концов романтика обертывается нудной и грязной работой, и нужно иметь немалую выдержку и любовь к своему делу, чтобы не плюнуть на все это.

Ошибается тот, кто думает, что спелеология—это сплошная романтика, риск, головокружительные спуски. Все это, конечно, есть в какой-то мере. Но это лишь парадная сторона спелеологии, только начало ее, дальше вас ждет трудная работа. И если вы не готовы к этому, в спелеологии вам нечего делать.

На четвертый день к вечеру все поднялись на средний горизонт и в оставшиеся дни продолжили его съемку и описание. При подъеме Евгений Данилович попал в трудное положение: примерно на высоте 20 метров горный ботинок на правой ноге крючком зацепился за трос лестницы. Попытки отцепить его были безуспешными. Евгений Данилович оказался прикованным к лестнице в очень неудобном положении. Расшнуровать и сбросить ботинок — еще труднее.

Немного отдохнув, он сделал еще одну попытку отцепиться, и после долгих мучений это, наконец, удалось. Но на это было затрачено очень много сил, и дальше Евгений Данилович поднимался с большим трудом. Дал себе слово: при подъеме по лестницам больше не надевать горные ботинки.

В этот день Камалов, Нигматуллин и Усольцев уходили на поверхность, они торопились в Уфу. Перед этим Камалов с Нигматуллиным успели обнаружить новую галерею от «Актового зала» к «Колокольне» длиной около 200 метров. Когда ожидали подъема, рядом с Эдиком упал камень, отрекошетил от стены, и осколок ударил Эдика в ногу. Хорошо, что рана была небольшой.

Еще в прошлом году открыли, а в этом — сняли на план очень интересную галерею. Она начинается около прошлогоднего лагеря № 2 и поднимается круто вверх. На высоте 30 метров от уровня лагеря галерея раздваивается. Правый вом он соединяется с галереей «Змеевик» недалеко от того места, где в прошлом году слышались таинственные шаги.

Левый ход очень круто (в среднем крутизна около 80 градусов) продолжает подниматься вверх. По нему удалось пройти 110 метров от места раздвоения. В общей сложности он поднимается по вертикали от «Актового зала» (который находится от поверхности на глубине 85 метров) на 65 метров, а потолок над последней точкой еле просвечивается фонарем—это еще метров 15—20. Своим куполом этот ход почти вплотную подходит к поверхности, а может быть узким понором выходит на нее в одной из воронок, которых в окрестностях пропасти сотни. Отсюда мог попасть в пропасть медведь, по этому ходу с поверхности могли доноситься таинственные шаги. Днища воронок обычно забиты землей, обломками гнилых деревьев и заросли высокой травой, и по неосторожности в этот скрывающийся понор мог улететь любой из нас, особенно девушки, которые описывали воронки. Кстати, я вспомнил: в прошлом году в тот день, когда в пропасти слышали таинственные шаги, я лазил по воронкам в поисках тетеревов как раз в этом районе. Вполне возможно, что я мо[illegible] создателем этих таинственных шумов.

Время в пещере идет очень быстро, только что вроде ушел из лагеря, а посмотришь на часы—уже вечер. Только усталость говорит о том, что позади трудный день. Поэтому в пропасти были только завтрак и ужин, обеда как такового не было, лишь сухой паек на ходу, возвращаться на обед в лагерь из отдаленных галерей не было смысла.

В лагере нас поджидал дежурный, и когда мы возвращались, еще издалека был виден тусклый свет керогазов, на которых варится пища. Виницкий пробовал сушить над керогазом свое трико, но за четыре дня, проведенные им в пропасти, он так и не смог его высушить.

После ужина небольшой разговор вокруг керогаза, обсуждение результатов дня. Никогда никакие изобретения цивилизации не заменят первобытного уюта костра!

Старались представить, что сейчас творится на земле, как шумят деревья, тронутые первой проседью осени. Потом ночь—без заката, слишком тихая, без звезд, без дождя. Лишь всю ночь напролет капель с потолка, писк летучих мышей и богатырский храп товарищей.

Утро без рассвета—не утро. От этого очень неуютно, и скорее хочется приступить к работе. Утром очень холодно, и за семь суток только, кажется, Евгений Данилович умывался каждый день, подогревая воду на керогазе. Остальные вообще не умывались.

В последние дни стали мучить галлюцинации. Федорову Володе по ночам казалось, что его все время сбрасывают в какую-то очень глубокую пропасть. Евгений Данилович видел четкие геометрические фигуры в ярком свете, похожие на фантастический архитектурный ансамбль. Резкие длинные тени от фигур тянулись в бесконечность. Потом видел огромную голубую люстру, которая со временем стала разноцветной. Видение тотчас же исчезало, стоило лишь открыть глаза. Но потом снова надолго повисало перед глазами, и изображение было устойчивым, не изменяющимся. За несколько часов Евгений Данилович смог рассмотреть мельчайшие детали несуществующей люстры.

Володя Книсс нашел «мумию» какого-то животного, но какого — не могли определить. В пропасти еще не велись биологические наблюдения, а они могли бы быть очень интересными. На глубине 78 метров при температуре, равной примерно нулю, рядом со льдом пророс лук, оставленный здесь в прошлом году. Ростки бледно-зеленого цвета — сюда немного проникает отраженный свет. На глубине 100 метров в одной из совершенно темных галерей Эдик поймал какое-то насекомое из семейства двукрылых, но, к

www.maksimovich.info

тается достаточно трудной, то под землей трудности возрастают во много раз. Съемку пещер мы обычно ведем горной маркшейдерской буссолью. С ней за день удается пройти 150—200 метров. Если на поверхности расстояние между точками может быть сотню и больше метров, то в пещерах в редких случаях оно бывает больше 30, а обычно — 3—5 м. Мерная лента постоянно застревает в щелях и покрыта толстым слоем грязи. Пол пещер редко бывает горизонтальным, обычно это крутые спуски, подъемы, нагромождение каменных глыб и жидкая глина. А иногда пола вообще нет — он вдруг проваливается в глубокий колодец. Тогда одна точка становится ниже второй на несколько десятков метров, а прежде чем ее поставить, нужно притащить из лагеря и навесить лестницу, спуститься по ней, очищая карнизы от висячих камней, и только на это часто уходит целый день.

За топографической съемкой ведется геоморфологическое описание. На среднем горизонте им занимается Боря Викторов. Его день начинается с 10-метрового спуска по веревке в так называемую «Библиотеку», потом наклонный ледник. По нему соблазнительно прокатиться, но нельзя: неосторожное движение— и ты летишь в 36-метровый колодец в нижний горизонт. Только после спуска по леднику начинается собственно описание. В нем нужно указать, какие породы слагают пещеру, мощность пластов, их залегание, угол простирания, трещиноватость, наличие фауны, натечные образования, их распространенность, форма, цвет, объем, пещерные заполнители, отдельные каменные глыбы, их расстояние от стен и т. д. и т. п. И так изо дня в день. В конце концов романтика обертывается нудной и грязной работой, и нужно иметь немалую выдержку и любовь к своему делу, чтобы не плюнуть на все это.

Ошибается тот, кто думает, что спелеология—это сплошная романтика, риск, головокружительные спуски. Все это, конечно, есть в какой-то мере. Но это лишь парадная сторона спелеологии, только начало ее, дальше вас ждет трудная работа. И если вы не готовы к этому, в спелеологии вам нечего делать.

На четвертый день к вечеру все поднялись на средний горизонт и в оставшиеся дни продолжили его съемку и описание. При подъеме Евгений Данилович попал в трудное положение: примерно на высоте 20 метров горный ботинок на правой ноге крючком зацепился за трос лестницы. Попытки отцепить его были безуспешными. Евгений Данилович оказался прикованным к лестнице в очень неудобном положении. Расшнуровать и сбросить ботинок— еще труднее.

Немного отдохнув, он сделал еще одну попытку отцепиться, и после долгих мучений это, наконец, удалось. Но на это было затрачено очень много сил, и дальше Евгений Данилович поднимался с большим трудом. Дал себе слово: при подъеме по лестницам больше не надевать горные ботинки.

В этот день Камалов, Нигматуллин и Усольцев уходили на поверхность, они торопились в Уфу. Перед этим Камалов с Нигматуллиным успели обнаружить новую галерею от «Актового зала» к «Колокольне» длиной около 200 метров. Когда ожидали подъема, рядом с Эдиком упал камень, отрекошетил от стены, и осколок ударил Эдика в ногу. Хорошо, что рана была небольшой.

Еще в прошлом году открыли, а в этом — сняли на план очень интересную галерею. Она начинается около прошлогоднего лагеря № 2 и поднимается круто вверх. На высоте 30 метров от уровня лагеря галерея раздваивается. Правый ход 20-метровым колодцем уходит вниз, через 15 метров еще одним 7-метровым обры-

(Продолжение. Начало в №№ 112—114).

сти он поднимается по вертикали от «Актового зала» (который находится от поверхности на глубине 85 метров) на 65 метров, а потолок над последней точкой еле просвечивается фонарем—это еще метров 15—20. Своим куполом этот ход почти вплотную подходит к поверхности, а может быть узким понором выходит на нее в одной из воронок, которых в окрестностях пропасти сотни. Отсюда мог попасть в пропасть медведь, по этому ходу с поверхности могли доноситься таинственные шаги. Днища воронок обычно забиты землей, обломками гнилых деревьев и заросли высокой травой, и по неосторожности в этот скрывающийся понор мог улететь любой из нас, особенно девушки, которые описывали воронки. Кстати, я вспомнил: в прошлом году в тот день, когда в пропасти слышали таинственные шаги, я лазил по воронкам в поисках тетеревов как раз в этом районе. Вполне возможно, что я мог быть создателем этих таинственных шумов.

Время в пещере идет очень быстро, только что вроде ушел из лагеря, а посмотришь на часы—уже вечер. Только усталость говорит о том, что позади трудный день. Поэтому в пропасти были только завтрак и ужин, обеда как такового не было, лишь сухой паек на ходу, возвращаться на обед в лагерь из отдаленных галерей не было смысла.

В лагере нас поджидал дежурный, и когда мы возвращались, еще издалека был виден тусклый свет керогазов, на которых варится пища. Виницкий пробовал сушить над керогазом свое трико, но за четыре дня, проведенные им в пропасти, он так и не смог его высушить.

После ужина небольшой разговор вокруг керогаза, обсуждение результатов дня. Никогда никакие изобретения цивилизации не заменят первобытного уюта костра!

Старались представить, что сейчас творится на земле, как шумят деревья, тронутые первой проседью осени. Потом ночь—без заката, слишком тихая, без звезд, без дождя. Лишь всю ночь напролет капель с потолка, писк летучих мышей и богатырский храп товарищей.

Утро без рассвета—не утро. От этого очень неуютно, и скорее хочется приступить к работе. Утром очень холодно, и за семь суток только, кажется, Евгений Данилович умывался каждый день, подогревая воду на керогазе. Остальные вообще не умывались.

В последние дни стали мучить галлюцинации. Федорову Володе по ночам казалось, что его все время сбрасывают в какую-то очень глубокую пропасть. Евгений Данилович видел четкие геометрические фигуры в ярком свете, похожие на фантастический архитектурный ансамбль. Резкие длинные тени от фигур тянулись в бесконечность. Потом видел огромную голубую люстру, которая со временем стала разноцветной. Видение тотчас же исчезало, стоило лишь открыть глаза. Но потом снова надолго повисало перед глазами, и изображение было устойчивым, не изменяющимся. За несколько часов Евгений Данилович смог рассмотреть мельчайшие детали несуществующей люстры.

Володя Книсс нашел «мумию» какого-то животного, но какого — не могли определить. В пропасти еще не велись биологические наблюдения, а они могли бы быть очень интересными. На глубине 78 метров при температуре, равной примерно нулю, рядом со льдом пророс лук, оставленный здесь в прошлом году. Ростки бледно-зеленого цвета — сюда немного проникает отраженный свет. На глубине 100 метров в одной из совершенно темных галерей Эдик поймал какое-то насекомое из семейства двукрылых, но, к сожалению, потом его потерял. Кроме этого, в пропасти огромная колония летучих мышей.

Последний день ушел на фотографирование и свертывание лагеря. Подносили снаряжение к месту подъема.

Потом было небо, как никогда голубое и близкое. Трава, которую приятно трогать руками. Шумели непривычно деревья. И все еще по подземной привычке слишком громко разговаривали. Как только пришли в базовый лагерь, забрались в Белую, и напрасно дежурный звал на обед.

Я спросил новичков, что больше всего поразило их в пропасти.

www.maksimovich.info

Уфа
„Ленинец"
Сент.
№ 117
1967

(Продолжение. Начало в №№ 112—114, 116).

Володя Книсс: «Больше всего, что я запомнил под землей,—это страшный холод».

Володя Федоров: «С непривычки давят стены. Особенно в первую ночь, так и кажется, что сейчас они обвалятся и раздавят тебя в лепешку».

Ю. С. Виницкий: «Особенно понравилась река. Черные скалы. Мрачная, зловещая красота! А что касается практического значения пропасти, то у нас с Евгением Даниловичем есть одна мысль: через несколько десятков километоов отсюда эти же пласты известняка уходят глубоко в недра и нефтеносны. Чтобы определить запасы нефти, нужно знать коэффициент пустотности. Мы его определяем по пористости кусков породы, извлекаемых с большой глубины из скважин. Этот метод дает явно заниженные результаты, так как при этом совершенно не учитывались большие пустоты типа пещерных.

В Кутукском урочище пласты известняка того же состава и геологического возраста, что и нефтеносные, но здесь карстовые полости доступны для изучения. Геодезические работы, проводимые в пещерах экспедицией Башгосуниверситета, позволяют определить объемы подземных пустот, а следовательно и коэффициент пустотности всего известнякового массива. Полученные результаты можно будет применить и для известняков нефтеносного района».

Е. Д. Богданович, начальник экспедиции: «Длина пещеры по сравнению с прошлым годом увеличилась на 1,3 км и достигла 5 километров. Если бы мы вовремя смогли приступить к работе, результаты съемки были более значительны: многие галереи нижнего горизонта остались неснятыми».

ЗА ПРОДУКТАМИ

В экспедиции стало плохо с продуктами: кончился сахар, на исходе макароны и крупы. Евгений Данилович, уходя под землю, попросил меня остаться за старшего, и как-то нужно выходить из положения. Ближайшая деревня Суюшево — в 18 километрах вверх по течению. У пасечника Латыпова попросил лошадь, решил выехать 19-го рано утром, чтобы к вечеру вернуться назад.

Но утром долго не могли поймать лошадь. Напугавшись накануне моей белой куртки, она даже не дается Валей-бабаю.

— Что же делать? — говорит старик.—Так нам до вечера не поймать, попробуем обмануть. Его друга позавчера увели на Сумганскую ферму, Гнедой его каждый день с утра до вечера ищет. Тот был с набатом, мы сейчас будем греметь набатом, и Гнедой прибежит.

Набата не нашли. Вместо него привязали гайку к миске. Я иду вдоль берега к поляне, где пасется лошадь.

Шумят дрозды в мокрых прядях берез, но сквозь их гвалт все же слышен шорох падающей с листьев росы. Незаметно подкралась осень. На тропе уже золотыми зернами лежат первые листья. Горы стали бурыми, как хребты медведей, и в по-августовски задумчивой тишине уже по-осеннему цокают синицы.

Я встаю за ствол березы и начинаю звонить. Конь настороженно поднимает голову, ржет, и я слышу приближающийся стук копыт. Я прячусь под берег, чтобы он не увидел меня и не разгадал нашу хитрость. Гнедой останавливается прямо надо мной, напряженно вслушивается в росистую тишину. Я стараюсь не дышать. Потом осторожно перебегаю под берегом ближе к дому и снова звоню. Так Гнедой, не подозревая обмана, подскакал к самому дому, где его без труда поймал Валей-бабай.

— Верхняя дорога, боюсь, закрыта. Езжай напрямик.

— А дорога есть?

— Есть дорога. Только смотреть надо. Когда едешь, песни пой. Песни-то знаешь?

Я недоуменно смотрю на него, не могу понять, шутит он или говорит серьезно.

— Я серьезно говорю: песни надо петь, разговаривать в пути. Иначе лошадь не дам. Ты думаешь, зачем поют люди, когда едут на лошади в тайге?

Я вспомнил, что это действительно так: в тайге еще издали слышишь приближающегося всадника, который монотонно и громко напевает какую-нибудь песню. Но я никогда не задумывался, почему поют, думал, что просто от скуки.

— Поют, чтобы пугать медведя. Медведь летом редко тронет, но он может спать где-нибудь у тропы, а ты тихонько подъедешь, он вскочит, лошадь напугается — на дыбы и разобьется.

Мы вышли к Булагойскому перекату.

— Дальше сам поедешь. Вот смотри—мятая трава. Это тропа. Два дня назад по ней лесник проезжал. Держись этого следа. Выедешь наверх из ущелья, он приведет тебя к Кызларке, заброшенной избе, а там и дорога будет.

Я засомневался, найду ли я по этому следу дорогу, ведь мятой травы в тайге много, но старик меня успокоил:

— Езжай, найдешь! Не найдешь, Гнедой сам выведет, он дорогу знает.

Пока было ущелье, я не опасался, что собьюсь с дороги. Гнедой продирался сквозь высоченную траву и густые заросли молодого липняка. Ветки хлестали по лицу. Местами тропу пересекали россыпи, я спешивался, и Гнедой почти на животе переползал огромные глыбы.

Примерно через час я был наверху. Ущелье здесь переходило в пологую долину, поросшую лесом и изрытую глубокими воронками. Сначала тропа была заметна довольно хорошо, но вскоре я стал ее терять. Вся трава на поляне была перепутана, не поймешь, где лошадиный след, а где прошел лось, а может быть, и медведь. Местами трава легла сама, пожухнув от времени. Я спрыгивал с седла, вставал на четвереньки и искал следы подков. И так через каждый десяток метров.

Потом я потерял и отпечатки подков. Подумав, отпустил поводья: Гнедой не раз ходил по этой тропе и сам выведет к злополучной Кызларке. Но прошло полчаса, потом час — никакой избы не было, дебри становились все гуще. В конце концов они стали почти непроходимыми, Гнедой уперся в дерево и спокойно стал жевать траву. Я пробовал его понукать: он одинаково преспокойно шел во все четыре стороны. Я понял, что заблудился. Гнедой надул меня, он и не собирался искать дорогу. Ему было все равно, куда идти.

www.maksimovich.info

К НЕДРАМ КУТУК-СУМГАНА

(Окончание. Начало в №№ 112—114, 116, 117).

В надежде выбраться на какую-нибудь поляну, я направил Гнедого напрямик. Тот вдруг встал на дыбы, захрапел и, не разбирая дороги, шарахнулся в сторону. Он налетал на деревья, спотыкался, но без разбору ломился вперед, и я не мог его удержать. Спасаясь от цепких, дубовых ветвей и чтобы не слететь, я вплотную пригнулся к спине Гнедого и обхватил его шею. Ветки с остервенением хлестали меня по голове, по спине, цеплялись за одежду, упирались в бока, силясь выкинуть меня из седла.

Гнедой был весь в пене, и только примерно через полчаса я смог его успокоить, загнав в глубокую воронку.

Искать дорогу теперь было бессмысленно, и, определив направление, я повернул к реке. Гнедой, почувствовав мою беспомощность и что мы возвращаемся назад, пошел веселее, и скоро мы выбрались в ущелье, по которому сюда забрались. Меня бесило, что он нарочно завел меня в дебри, он и не думал искать дорогу, он думал лишь о том, как поскорее попасть домой, и я чуть сдерживался, чтобы не ударить его по довольной морде.

Был уже полдень, когда я выбрался к реке. Шумно вздымая бока, Гнедой долго пил воду из Булагойского переката.

Возвратиться назад? Экспедиция сидит без продуктов. Да и просто стыдно — не смог найти дороги! Снова искать Кызларку? И так потеряно слишком много времени.

Я решил ехать прямо по реке, вдоль берега. Чуть заметная тропа вилась по бичевнику, по россыпям, по крутым склонам, по обрывам, по густому гибкому молодняку ивы. Местами путь преграждали скалы, и в пяти местах пришлось переправлять реку по шумным перекатам.

Только в четыре часа, голодный, я был около Акбуты, где меня накормили туристы из Уфимского нефтяного института. А еще через полчаса, последний раз перебродив реку, я был в Суюшеве.

Обратно тронулся лишь к вечеру. Навьюченный рюкзаками, Гнедой шел довольно быстро — торопился домой. Подковы скользили на камнях.

На душе было уютно и покойно — от хорошей погоды, от сделанного дела, от мягкого покачивания в седле. Я торопил Гнедого, а вечер все равно нас обгонял. Тише зашумели перекаты, на моих глазах менялся цвет скал и отдаленных хребтов. Длиннее стали тени, стук копыт еще дольше повисал в синеющем воздухе. Хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончалась. Придется ли еще когда-нибудь попасть сюда—в царство шумящей воды, грустного солнца и причудливых скал?

Вскоре солнце село, лишь в долинах еще висел отраженный свет неба. А я только еще добрался до скалы Муйнак-таш. Оставалось ехать еще 7 километров. Можно бы не торопиться, даже наоборот — надолго хотелось раствориться в засыпающей тишине неба, в дымке начинающегося тумана, в темени кустов, но волнуется, ждет старик, и я снова тороплю Гнедого.

Горы постепенно стали черными, небо темно-синим. Зажглись первые—самые яркие звезды. Гнедой прядет ушами, настороженно всматриваясь в скалы и деревья. Его пугает каждый большой камень на тропе, каждая вывороченная коряга. Во всем он видит опасность.

Наконец, последний поворот, и я вижу высокие скалы над Сакаской. Потянуло дымом. Где-то за поворотом костер нашего лагеря. Я еще не вижу его, но чувствую его тепло. Гнедой смело входит в реку и, перебраживая ее, на ходу хватает воду теплыми губами. Над рекой поднимается теплый пар.

ЧЕТВЕРТАЯ КУТУКСКАЯ ПЕЩЕРА

В программе экспедиции, кроме пропасти Кутук-Сумган,—Четвертая пещера. Она открыта спелеологами университета несколько лет назад и исследована до сифона. В прошлом году в ней была открыта труднодоступная галерея с красивейшими кальцитовыми ваннами. Впрочем, ваннами их можно назвать лишь в дань терминологии — по сути дела это своеобразные подземные озера. Вот их-то и нужно было еще раз осмотреть и сфотографировать. Кроме этого в пещере было необходимо провести барометрические наблюдения и посмотреть, какие изменения произошли за год с пещерным льдом.

Пошли в пещеру все, кроме Ивана Константиновича, которому после травмы в пропасти было трудно ходить. Он великодушно согласился подежурить вместо Бори Викторова.

Пещера начинается 12-метровым колодцем, в который спустились по приставленным к стене еще пару лет назад жердям. Затем длинный и круто наклонный ход вниз. Впереди Виктора Михайловича на веревке, как медвежонок, карабкается по камням его сын Юрка.

Льда в этой пещере, как и в пропасти, в этом году стало еще больше. В некоторых местах он толстыми языками накрыл деревянные лестницы на обрывах. Его пришлось срубать геологическим молотком, так как ледоруб с собой не взяли.

После 500-метрового наклонного спуска небольшой подъем по отвесной стене и крутому скользкому желобу, покрытому кальцитом. К отвесной стенке приставлена березовая лестница, по желобу я осторожно поднялся с веревкой, потом навесили лестницу.

Здесь и начинается галерея с ваннами. Их трудно с чем-нибудь сравнить. Ванны представляют собой каскад взаимопереливающихся озер, расположенных на разном уровне, отделенных друг от друга высокими округлыми плотинами из карбоната кальция. Края плотин очень тонкие и острые, и кажется, что они разрушатся при первом же прикосновении. Но это только видимость, они свободно выдерживают вес человека. Вода в ваннах голубоватая и прозрачна настолько, насколько можно представить прозрачность воды. Кажется, что здесь мелко—всего сантиметров двадцать, а в действительности глубина ванн от 1 до 3 метров. Дно и стенки совершенно белые и покрыты фантастическими кальцитовыми цветами и узорами.

Длина первого озера 6 метров. Надуваем лодку, начинаем переправу. Перевозчиками — мы с Колей. За ворот каждый раз сеется с потолка небольшой ручей. Второе озеро в виде короткой неправильной чаши. Каменные розы на дне особенно красивы. Потом — третье. Евгений Данилович с Анатолием Гориным начинают фотографировать его. Я лезу в дальний угол, где в одной из небольших ванн всю поверхность воды затянула студенистая кальцитовая пленка. Это очень редкое явление в пещерах, в Башкирии оно замечено впервые.

За моей спиной кто-то кричит диким голосом, ударяясь каской об острые выступы, бегу на свет фонарей. Но ничего не случилось. Просто Виктор Михайлович растирает Юрке промоченные ноги.

Я встаю у стены и смотрю, как Толя трясет лодку, вызывая небольшие волны, чтобы фотографии получились эффектней. Потом замечаю, что волны вдруг стали очень большими, чуть ли не до потолка, вода с шумом переливается через края озера. Брызги причудливо искрятся в лучах фонарей. «Что за перотехника? — думаю я. — Уж что-то они слишком стараются... Уж слишком почему-то большие волны, да и какие-то странные у всех лица...»

Оттолкнув кого-то в сторону, я кидаюсь к озеру и вижу посередине его пустую лодку и голову Толи в воде рядом с ней.

Ухватившись за какой-то выступ, я всем телом повисаю над озером.

— Дай руку!

— Улетишь сам.

— Дай руку!

Толя отпустил лодку, попробовал плыть, но тяжелый рюкзак за плечами сразу же опрокинул его назад. А лодка была уже далеко в стороне.

— Дай руку!

Он рывком выплеснулся по плечи из воды, и я поймал его за кисть руки. Потом он, мокрый, стоял у фонаря и виновато улыбался. Его быстро раздели, в несколько рук стали массажировать, после чего одели во все сухое: кто снял свитер, кто носки, кто куртку...

И только теперь все засмеялись.

— Ну и как? — спросил кто-то.

— Вода холодна, словно ошпарили кипятком. Наступает какое-то оцепенение. И рюкзак тянет ко дну.

— Дно-то хоть достал?

— Нет!

Немного отогревшись, он продолжал фотографировать.

Переправа назад. Лодка без весел. Плывем, отталкиваясь руками от стены к стене. Неточный толчок, и лодка, сделав круг, останавливается посередине озера — не дотянешься ни до той, ни до другой стены. Приходится грести прямо руками. А за ворот каждый раз падают россыпи холодных брызг.

Наконец, перевезли последнего — четырнадцатого. Выпускаем из лодки воздух, сбрасываем ее с обрыва вниз. Я дожидаюсь, когда все спустятся, отвязываю лестницу и веревку и, спустившись с обрыва, бегу наверх, на солнце—греться. Продрог до последней косточки. А лестницу смотают и вытащат ребята.

На следующий день вели съемку только что открытой Пятой Кутукской пещеры, и на этом работа нашей экспедиции закончилась.

26 августа доплыли до д. Сыртланово. Машина, которая должна была встретить нас здесь еще 25, не пришла. Не пришла она и 27. Ждать больше было бессмысленно: вышли последние продукты, а неизвестно, придет ли машина вообще. После обеда пешком пошли в Кутук, чтобы оттуда через Мелеуз добраться до Уфы. Сзади, тяжело опираясь на палку, шел Иван Константинович.

Евгений Данилович остался на берегу с лодками и со снаряжением. Машина пришла только тридцатого. Но если уж однажды в экспедиции не повезет с машиной—не повезет до конца. Поневоле поверишь в приметы. Чуть проехали Стерлитамак, машина встала: пробило какие-то прокладки. Снова пришлось ставить палатку и ждать, когда шофер вернется из Уфы с другой машиной.

Пропасть Кутук-Сумган—Уфа.

www.maksimovich.info

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Куда Пермь - 39

Комсомольский проспект Дом 49 кв. 2

Кому Профессору Максимовичу

Георгию Алексеевичу

Адрес отправителя:

К.В. Кострин. Уфа-40. Ул. Калинина. Дом 22 кв. 34

www.maksimovich.info

Многоуважаемый Георгий Алексеевич! 20/I-69

Благодарю Вас за поздравление с Новым Годом, за добрые пожелания, за память и внимание! Я очень рад, что мои „пещерные" вырезки предубавили для Вас некоторый интерес. Для меня такие забавные загадки часто служили путеводной нитью в поисках, дававших хорошие результаты.

Спасибо за приятное сообщение о сдаче № 7(8) в типографию. Конечно, очень-очень сожалею, что обложных оттисков не будет! А я надеялся их получить для рассылки заинтересованным лицам. В связи с их отсутствием, очень-очень прошу Вас обязательно прислать мне 1 экземпляр № 7(8). Буду Вам весьма признателен!

Желаю Вам здоровья, благополучия и больших успехов в Ваших трудах и начинаниях.

Глубокоуважающий Вас Дмитрий.

www.maksimovich.info

П-1

9 января 7

Профессору К.В.Костину

Институт карстоведения и спелеологии готовит седьмой вы
ежегодника "Пещеры". В разделе Прикладная спелеология намече
но опубликовать небольшую статью "Мумиё в пещерах". Желательн
чтобы автором ее были Вы. В случае Вашего согласия, просим по
трердить это письмом в самое ближайшее время. Объем статьи не
более 5-7 стр. машинописи /через 2 интервала/. Статья нам нео
ходима к 15 марта 1967 г. При рассмотрении происхождения муми
желательно, чтобы Вы учли статью Г.Н.Коновалова и Т.А.Михайло
вой /Природа № 12, стр. 100-107, 1966/.

Гонорар Институт не выплачивает. Даются только бесплатно
оттиски статьи. В случае если Вы незнакомы с нашим изданием,
Вашей просьбе мы может выслать один из номеров, с тем чтобы
статья была написана в стиле нашего издания.

Директор Института,

профессор /Г.А.Максимович/

www.maksimovich.info

П-4

25 января 7

Профессору К.В. Кострину

Весьма признателен за сообщение об энтузиасте мумиё Ф.В.Чернышеве. Мы к нему обратимся. Ваше предложение написать статью "Мумиё в трудах Бируни и Ибн-Сины" вполне приемлимо. Мы поместим её только в разделе "Из истории изучения пещер". Ждем Вашу статью.

Одновременно бандеролью высылаю один из номеров ежегодника "Пещеры", чтобы Вы имели о нем представление. С № 5 он стал органом Института.

Директор Института, профессор /Г.А.Максимович/

www.maksimovich.info

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Куда г. Уфа-40

ул. Калинина, д. 22, кв. 34

Кому Кострину Константину Васильевичу

Адрес отправителя: Пермь. 5, Генкеля. 7, университет институт Картоведения и статистики

www.maksimovich.info

Многоуважаемый Константин Васильевич!

Ваша статья о луне, вероятно, будет помещена в сборнике „Вещего" вып. 8., который выйдет в свет не ранее конца 1970 г. Отдельных оттисков мы не делаем, а необходимое Вам количество экземпляров, сам он превосходит число обязательных авторских экземпляров, высылаемых по окончании издания, Вам будет отправлено. Отв. редактор [signature]
24/VI-69 г.

www.maksimovich.info

Куда г. Пермь-39

Комсомольский Проспект

Дом 49 кв. 2

Кому Профессору Максимовичу

Георгию Алексеевичу

Адрес отправителя:

К.В. Кострик. Уфа-40 Ул. Калинина

дом 22 кв. 34

www.maksimovich.info

Уфа 26/VIII-69

Многоуважаемый
Георгий Алексеевич!

С моей статьей о Мумий, написанной мною по Вашему предложению, принятой к печати, запланированной в 7-ой выпуск ежегодника „Пещеры" — произошло какое-то недоразумение.

Я неоднократно получал любезные ответы лично от Вас на мои запросы с сообщением о задержке выхода в свет №7, но Вы ни разу не сообщали мне о том, что моя статья не идёт в этом выпуске. Все Ваши письма давали мне твердую уверенность, что моя статья будет скоро напечатана именно в этом выпуске.

И вдруг я получаю открытку от ответственного редактора ежегодника (прилагаю ее)

www.maksimovich.info

Сообщающую мне о том, что —

" Ваша статья о Мумие, вероятно, будет помещена в сборнике " Пещеры "
вып. 8 "

И выйдет ~~это~~ №8 не ранее
Конца 1970 г.!

Что-же получается ?! Я аккуратно, безвозмездно, добросовестно выполнил Вашу просьбу, затратил труд и время, а теперь получается, что моя статья ~~об~~ложена на неопределенное время и будет помещена — не наверняка, а только вероятно — в №8, а не в №7.

Очень прошу Вас проверить это досадное недоразумение и обеспечить публикацию моей статьи в №7. Буду Вам весьма признателен за это и за ответ на это письмо.

Желаю Вам здоровья и успехов в Ваших трудах!

Глубокоуважающий Вас Проф. Кисрин

Кострин Константин Васильевич
г. Уфа-40. Ул. Калинина. Дом 22, кв. 34

www.maksimovich.info

Совет. башкир 21/VII-69

В МИРЕ ИНТЕРЕСНОГО

Озеро Иссык будет восстановлено

Почти шесть лет назад в горах Тянь-Шаня под Алма-Атой исчезло озеро Иссык — сказочной красоты произведение мастерицы-природы. Оно было выплеснуто до самого дна грозной всесокрушающей стихией гор — мощным грязекаменным потоком. Случилось так, что высоко в горах прошумели ливни, их потоки смешались с водой ледниковых озер и лавиной устремились в долину. На своем пути вода размывала и несла с собой тысячетонные осыпи. Гигантский водяной вал, смешанный с песком, галькой, вырванными с корнями вековыми деревьями, нанес смертельный удар по земляной преграде, удерживавшей в межгорной чаше 18 миллионов кубометров воды озера Иссык. Сейчас по дну бывшего озера петляет мелкая речушка.

Но не навечно погибла жемчужина Тянь-Шаня. Филиалу Всесоюзного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института имени С. Я. Жука поручено разработать проект восстановления Иссыка. Сейчас ведутся геологические изыскания, топографическая съемка. Предстоит создать насыпную плотину высотой примерно пятьдесят метров. Ей не страшны будут грязекаменные потоки. Опыт строительства аналогичных гидротехнических сооружений уже имеется в Казахстане: в Зайсанской котловине недавно возведена Уйденинская насыпная плотина высотой семьдесят метров, она образовала водохранилище объемом более семидесяти миллионов кубометров.

С восстановлением Иссыка людям будет возвращено редкостной красоты озеро, в то же время поселок Иссык, многие селения, тысячи гектаров плодородных колхозных и совхозных земель будут защищены от возможного нашествия грязекаменных потоков.

В процессе работ, связанных с подготовкой восстановления Иссыка, специалистам Южно-Казахстанского геологического управления удалось разгадать одну из тайн этого озера: почему в нем не было рыбы, даже холодноводной форели, чем объяснить редкостный бирюзовый оттенок иссыкских вод? Оказывается, на дне озера имеются трещины, через которые просачиваются из недр метан, угарный и другие газы. Они-то и губили все живое, а также подкрашивали воды Иссыка, придавая им неповторимую красоту.

Владимир ГАНЖА.
(АПН).

У ПОРОГА ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА

Тропинка вьется вдоль быстрой, холодной Шульганки. В редких просветах среди густой зелени видны высоченные отвесные скалы с сосновым ежиком на вершине.

Капову пещеру чувствуешь еще издали: как из погреба, по лесу тянет влажным холодом...

Расступились деревья, но все так же сумрачно. Гигантская каменная раковина нависла над бьющей из-под земли речкой. В глубине черный провал затянутого решеткой входа.

Глаза не сразу привыкают к темноте. Но вот в неярком свете фонариков все отчетливее проступают влажные каменные своды. Мокрые, скользкие валуны под ногами. Неожиданные повороты, темные отверстия еще не исследованных боковых коридоров, крутые железные лестницы с яруса на ярус, голубое зеркало озера, далекий шум водопада...

Здесь, где-то здесь... Вот они. Едва угадываются на камне. Из седой глубины веков дожили эти рисунки до наших дней. Контур головы носорога, скачущая лошадь. Поражает правильность линий, сделанных доисторическим художником.

Умолкают даже ярые балагуры. В мертвой тишине только мерное: кап... кап.. кап... Может быть, поэтому пещеру и нарекли Каповой? Впрочем, среди местного населения она известно как «таш йорт» — каменный дом.

Спелеологи идут по мокрым камням. Кое-где приходится ужом проползать в низком проходе. В награду пещера открывает свои сокровенные уголки.

Кажется, только что вошли в подземный город, но вот кто-то ахнул, взглянув на циферблат: незаметно пролетело несколько часов. Правду говорят —время в пещере умирает. Может быть, поэтому и сохранились уникальные древние рисунки.

Но что это? Новые, еще не известные ученым следы древнего человека? Нет, постойте, здесь есть и дата: 1969 год. Имена, фамилии, названия городов, деревень. Это многочисленные следы посетителей Каповой пещеры, дикарей двадцатого века.

Что же побуждает наших современников пачкать неповторимое творение природы? Тщеславие? Необходимость поведать всем, что побывали здесь?

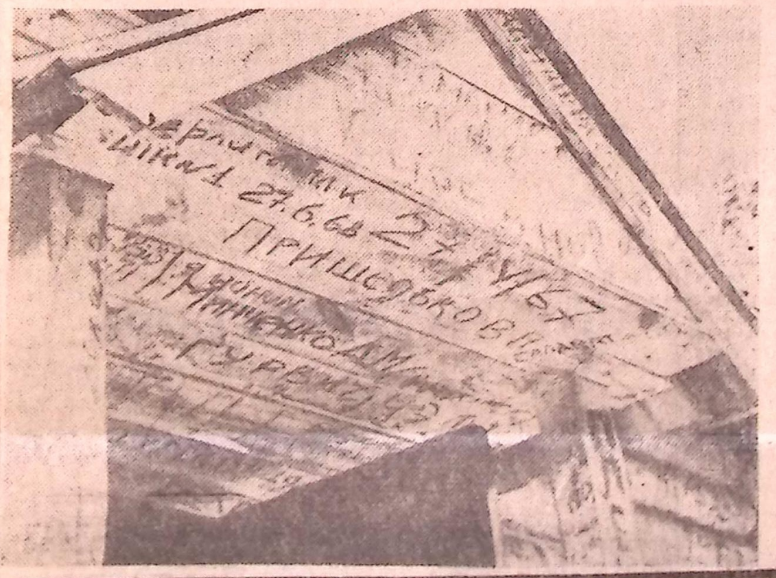
А вот двухкомнатный домик у порога подземного города. Нелегко по бездорожью доставлять строительный материал в этот экзотический уголок Башкирии. Но администрация Прибельского филиала Башкирского заповедника позаботилась о туристах. Многие ведь приезжают семьями, с детишками. И эту бесплатную гостиницу расписали снаружи и внутри. На стенах уже места нет — взялись за потолок и крышу. Впрочем, к доскам потолка подступились и с топорами, а ведь в двух шагах полным полно валежника для костра...

Кто же они, разукрасившие домик, «увековечившие» свои имена на камнях Каповой пещеры? Туристы из стерлитамакского клуба «Меридиан», учащиеся Ишимбайской средней школы № 1, девятиклассники Исянгуловской школы во главе с преподавателем П. И. Симоновым, белоречане из средней школы № 18, Роза Якшибаева из Ургинской школы Зианчуринского района, З. Х. Ахметшин из Салавата, студенты Уфимского авиационного института, Башкирского университета, нефтяного института и многие другие. Есть автографы туристов Москвы, Харькова, Челябинска, Свердловска.

Пора прекратить это надругательство!

В. ВАСИНСКИЙ,
спецкор «Советской Башкирии».

На снимках: 1. У входа в Капову пещеру. 2. «Росписи» в домике для туристов.

Фото автора.

ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Центральный лекторий с сентября 1969 года организует цикл лекций для молодежи. Можно послушать лекции о нравственных основах брака и семьи, о красоте человеческих отношений, о правдивости, о простоте и скромности в общественной и личной жизни молодежи.

Абонементы можно приобрести в кассе лектория (ул. Коммунистическая, 53). Телефоны 2-74-84 и 2-70-13.

www.maksmovich.ru

г. Пермь - 5

Куда Государственный Университет им. Горького
Улица Генкеля. Дом 7
Институт Карстоведения и Спелеологии

Кому Ответственному Редактору
ежегодника „Пещеры"

Адрес отправителя:
К.В. Кострин. Уфа-40.
Улица Калинина Дом 22 кв. 34

www.maksimovich.info

г. Уфа 28/VI-69

Уважаемый Товарищ-
– Ответственный Редактор!

Получил я вчера Вашу открыт-
ку об 24-VI- с.г. Она меня
крайне огорчила и весьма удив-
ила!

Статью о Муже я написал
не по своей инициативе, а по
личной просьбе Профессора Г.Д.
Максимовича. В письме № П-1
от 9 января 1967г. (т.е. 2½ года
тому назад) он прямо писал:
„Статья нам необходима к 15
Марта 1967г." для №7 сборника
„Пещеры". Я незамедлительно
выполнил просьбу Георгия Алексее-
вича! Работал урывками, пот-
рачу немало времени и труда и
своевременно послал статью. В
последующих письмах Профессор
Максимович неоднократно сооб-
щал мне, что моя статья
будет в №7 и обещал мне

www.maksimovich.info

прислать Эпоб №7 в начале 1969 года.

И вдруг Вы пишете мне, что стихи „будет помещена в сборнике „Пещера" - вып. 8! Да еще - „вероятно"! А не точно! И еще сообщаете, что Эпоб №8 выйдет „не ранее конца 1970 г." Получается как-то несолидно и несерьезно! Если бы я знал, что стихи будут у Вас лежать 4 года - то, конечно, я не стал бы ее писать. Мне - 70 лет и в такие годы мне никак не пристало писать сочинения в расчете на столь далекое будущее!

Почему-же меня не предупредили, что стихи не идут в №7? А наоборот успокоили, что он скоро выходит из печати!

Я настоятельно прошу Вас напечатать стихи в №7 и объяснить мне вынужденное недопустимое недоразумение!

С нетерпением буду ждать Вашего ответа!

Уважающий Вас Проф. Кострин.

Кострин Константин Васильевич
г. Уфа-40. Ул. Калинина. д. 22 кв. 34

www.maksimovich.info